

История, судя по всему, ваше жизненное призвание. Как вы к нему пришли?

С началом хрущевской оттепели возрос интерес к истории вообще и к эпохе, в которой мы жили, в частности. При выборе рода деятельности этот общественный момент превалировал в сознании. К тому же сказалось влияние моего старшего брата Сергея Ивановича – очень яркой личности. Вернувшись в 1945-м с фронта (а воевал он десантником), брат решил поступать... в театральный институт. Учил басни, пел, очень серьезно готовился. Именно тогда он и мне привил любовь к театру. Но в итоге он поступил на юридический факультет МГУ, защитил кандидатскую, а потом и докторскую диссертацию. Вслед за ним я тоже поступил в университет, но на исторический факультет.

И вот уже более полувека занимаетесь историей. Какие уроки вы извлекли из нее лично для себя?

Я не писатель, не публицист, даже не философ и совершенно по-своему эти уроки воспринимаю. Для меня история персонафицирована в делах моих предшественников. В делах людей, которые так или иначе были связаны с судьбами государства. И мне важны их нравственные принципы, такие понятия, как честь, достоинство, понимание места, которое ты занимаешь. Понятие творческого отношения к делу – для меня важнейший момент. Своего рода кодекс чести, правила поведения.

А что бы вы по своему кодексу никогда не простили человеку?

Разрушения основ, сознательного или неосознанного. В музейном деле существует важнейшая грань – отношение к коллекции, к экспонатам. Переход этой грани означает разбазаривание, хищение, разрушение. Вот что для меня абсолютно неприемлемо.

ГИМ пережил две исторические эпохи, сейчас вступает в третью. Вы можете назвать лучший период в его почти 125-летней истории?

Действительно, 27 мая будущего года исполнится 125 лет со дня открытия музея. 27 мая 1883 года, во время коронационных торжеств Александра III в Москве, на Красной площади, распахнулись двери парадных сеней, и император с супругой Александрой Федоровной и свитой через резной тамбур главного входа прошли в первые одиннадцать залов, состоялся их осмотр, и это было торжество! На следующий день двери открылись для публики, и началась публичная жизнь музея. Первый, самый звездный период начался как раз с открытия. Но как специфическое учреждение культуры музей начинается с первого экспоната...

С чего же началась громадная коллекция ГИМ, превращающая сегодня четыре с половиной миллиона экспонатов?

В «Отчете Императорского российского исторического музея за первые 25 лет» под номером один значится коллекция графа Уварова из раскопок на Северном Кавказе. Алексей Сергеевич Уваров был известным археологом, историком, председателем Московского археологического общества, это ему император, взойдя на престол, поручил ускорить работы по строительству и открытию музея. Он и стал фактически первым его директором, хотя официальные должности не занимал. Вся его «должность» состояла в том, что он был товарищем председателя Императорского российского исторического музея, а почетным председателем сначала был сам Александр III.

То есть императоры в музее бывали...

Не просто бывали! Летопись отмечает, что в 1880 году Александр III пожаловал музею два портрета времен великой Смуты: Дмитрия-самозванца и Марины Мнишек, а также три картины, изображающие их венчание в Кракове, въезд в Москву и коронавание. Эти картины и сейчас украшают 21-й зал нашей экспозиции. Почетным президентом пожалована музею кольчуга, поднесенная его императорскому высочеству землевладельцем Кременчугского уезда Полтавской губернии отставным поручиком Николаем Потемкиным. Такого рода дары неоднократны и свидетельствуют о том, что с самого начала музей рассматривался как императорский и представлял историю России прежде всего как государства Российского, в котором самодержавие, династия играли определяющую роль. Отсюда внимание царской семьи к формированию коллекции.

Кто еще участвовал в развитии музея?

Научная общественность, прежде всего профессора Московского университета. Ее дары происходили из археологических раскопок. Есть дары со стороны православной церкви (вопреки бытующему мнению, что находящиеся в музеях церковное имущество реквизировано советской властью). И была еще категория людей, кото-

Окончив истфак МГУ, отдав свое сердце археологии (диссертацию защитил по проблемам скифского искусства), в 1964 году он пришел в Государственный Исторический музей экскурсоводом и за 20 лет вырос до замдиректора по науке. Потом было хождение во власть: с 1982-го по 1992-й он занимал посты заместителя и первого заместителя министра культуры РСФСР. Но в 1992-м возвращается в ГИМ генеральным директором и взваливает на свои плечи капитальный ремонт, разработку новой концепции национального исторического музея, модернизацию, информатизацию, борьбу за новые площади... Так что с его именем связано возрождение Исторического музея. И вот он – мой собеседник: почетный профессор МГУ им. Ломоносова, лауреат Государственной премии России, кавалер ордена «За заслуги перед Отечеством» IV степени и ордена Почетного легиона, только что торжественно врученного ему во французском посольстве, директор ГИМ Александр Иванович ШКУРКО. Беседа состоялась в канун его 70-летнего юбилея.

Александр ШКУРКО:

ПРОШЛОЕ ДОЛЖНО БЫТЬ ПРЕДСКАЗУЕМО!



рая одаривала музей не отдельными предметами, а целыми коллекциями. Это русские купцы, предприниматели-миллионеры. П.И. Щукин в 1906 году оформил дарственную на целый Музей российских древностей, который он создал в Москве, и построил для него специальное здание на Малой Грузинской улице. До 1912 года Петр Иванович оставался директором своего музея, а после его кончины сокровищница фактически вошла в собрание Исторического музея, к сожалению, без здания на Малой Грузинской. Кроме Петра Ивановича дореволюционный раздел пополняли Бахрушины, Хлудовы, Солдатенковы.

А что можно сказать о государственных деятелях советской эпохи?

За весь XX и XXI век ни одно первое лицо государства в ГИМ не побывало!

Значит ли это, что территориальная близость к Кремлю ничего музею не принесла?

Смотря что понимать под словом «принесла». Конечно, посещение первого лица государства – значимое событие. Это знак поощрения, знак внимания. Оно отражается на отношении к музею других госорганов. Увы, в этом смысле мы обделены...

Можно сказать, что после 1917 года статус музея изменился?

Конечно. Став не императорским, а просто Российским, а потом Государственным, он потерял свой статус национального исторического хранилища. В условиях господства интернациональной идеологии коренная Россия практически растворилась в союзе народов братских республик, в новом государственном образовании, именуемом Советским Союзом. Потеря статуса национального музея повлекла за собой юридические последствия. Возникло разделение музеев на учреждения союзного значения – Эрмитаж, Третьяковская галерея, Музей Кремля – и музей республиканского подчинения. Исторический музей оказался в подчинении Минкультуры РСФСР. Это была явная недооценка важности нашего учреждения. К сожалению, стереотип действует до сих пор...

Трудно понять, почему Хрущев, Брежнев, Андропов, Черненко, Горбачев на Красной площади бывали регулярно – но столь же регулярно проходили мимо истории страны, которой руководили...

И вот что удивительно. Мы иногда подолгу бываем закрыты из-за оцепления. Между тем в сталинское время с этим было куда проще, как ни странно. Мой брат, Сергей Иванович, рассказывал, как его любимая девушка в 1949 году шла от храма Василия Блаженного вниз по Васильевскому спуску, а ей навстречу трое: Сталин, Моло-

тов и Берия. Безо всякой охраны. Сталин ее остановил и начал задавать вопросы: «Кто вы, что вы здесь делаете?» Они никуда не спешили, просто гуляли – и так, оказывается, могло быть.

В советскую эпоху музей работал под жестким идеологическим прессингом. Удалось ли сохранить уважение к великой русской истории, великой русской культуре на территории отдельного музейного пространства?

Ваш вопрос имеет две стороны. Действительно, влияние и прямое директивное управление со стороны партийного руководства страны было чрезвычайно сильным. В 20-30-е годы была разрушена старая экспозиция, доходившая только до XVII века. Вместо нее устраивались отдельные выставки, посвященные крестьянству, рабочему классу, классовой борьбе. Затем в 40-50-60-е годы была создана систематическая экспозиция с древнейших времен до революции 1917 года на основе марксистско-ленинского подхода к пониманию исторического процесса и роли классовой борьбы как движущего начала истории. Отрицалась значимость высшего сословия – боярства, дворянства, царского двора и т.д.

Посетители не могли увидеть портреты императоров, фотографии царских генералов, которые принимали решающее участие в исторических сражениях. Крупные произведения, скажем, Екатерина Великая кисти Рокотова или портрет Петра Великого, конечно, отсутствовали. Этот период был трудным для моих предшественников, но, к счастью, они были людьми преданными музейному делу и преемственности традиции. Поэтому они не только все сохраняли, но и собрали дополнительные экспонаты в нашу коллекцию – в той мере, в какой позволяла официальная доктрина

Что касается второй части вопроса, то создание новой экспозиции, которая сейчас предстает перед глазами посетителей, началось после капитального ремонта, реставрации и модернизации здания. Процесс был долгим и тяжелым. Тем не менее первые залы мы открыли в 1997 году, а завершили экспозицию в 2005 году. Это совпало с периодом демократических преобразований в стране, поэтому цензурных препон идеологического порядка у нас не было. Наоборот, наш экспозиционер получил творческую свободу для осмысления особенностей музейного показа. Ведь ГИМ не пишет историю, а представляет серию предметов, экспонатов материальной и художественной культуры. Из них он создает некий образ эпохи. Вот здесь мы и получили возможность подбирать совокупность экспонатов так, чтобы отразить свое отно-

шение к тому или иному времени, событию, личности, важности этой личности в истории. И я думаю, в этом смысле экспозиция сейчас достаточно объективная, представительная, всесторонняя. И наконец, это доставило удовольствие нашим сотрудникам творчески и свободно над ней работать.

Уверена, в новой экспозиции не могло быть выброшено то, что в старой экспозиции составляло ее значимую часть. До сих пор присутствует фрагмент клетки, в которой содержали Пугачева...

Да, экспонат «клетка Пугачева» перешел из старой экспозиции. И вы абсолютно правы: есть великие вещи, которые не поддаются идеологическому нивелированию. Есть факты, которые связаны с важными событиями. Одним из них была Крестьянская война (можно ее называть восстанием, можно – бунтом). Так или иначе, это крупнейшее событие времен Екатерины II. И история, меняя принципиальные оценки таких событий, дает разнообразие подходов. Скажем, в старой экспозиции вокруг этой клетки собирался целый комплекс материалов, которые должны были подчеркнуть однозначно позитивную оценку пугачевского движения, героизировать его, противопоставить царской армии и двору. В нашей новой интерпретации это именно сам факт истории, который просто вписывается в эпоху правления Екатерины. Было бы печально, если бы, меняя идеологию, мы вдруг начали выбрасывать из истории подобные события. Такой подход породил крылатое выражение – «непредсказуемое прошлое». Нет, прошлое должно быть предсказуемо!

Кто помогает в формировании новой экспозиции, начинающейся с 1917 года? Кто эти люди? Они специально отбираются, сотрудничают с вами долгие годы? У нас ведь имена историков народу практически неизвестны...

Дело в том, что музейных специалистов-историков отдельно не готовят. Так уж повелось, что, приходя к нам на работу, выпускник, скажем, исторического факультета историко-архивного института не столько переучивается, сколько обучается прикладной стороне музейного дела. Музейное дело – не теоретическая наука. Это, в общем-то, методическая форма практической деятельности. Это принципы построения той же экспозиции. Принципы отношения к ее художественному решению, к подбору и выявлению экспонатов. Есть ряд вещей, которым надо научиться. Я уж не говорю о формальности: любой экспонат надо оформлять актами передач из коллекции в экспозицию и обратно...

И все-таки концепция формируется внутри самого музея или существует какой-то общественный совет, который с вами взаимодействует?

Концепция и сами планы экспозиции рассматриваются на проблемных советах, на ученом совете Исторического музея. Прежде чем быть утвержденными, они проходят рецензирование. Нашим официальным рецензентом является исторический факультет МГУ, соответствующие его кафедры по периодам истории. Так что мы стараемся объединять усилия и мысли всех, кто причастен к этому делу.

Отразится ли нынешняя политическая ситуация на экспозиции XX века, которую вы сейчас формируете?

Историческая наука при всех своих колебаниях, связанных с господствующей идеологией, в рамках которой она и существует, продолжает развиваться. Вопрос в другом: жить в обществе и быть свободным от общества невозможно. Любому историк, любой наш музейный работник – прежде всего человек, который живет в конкретном обществе. И общество так или иначе определяет его взгляд на исторические события предшествующего времени. Известно, что летописец Нестор, который стоял у истоков истории, тоже был человек своего времени, и в его хроникальных записях уже отражалось определенное отношение, тенденция политического характера к событиям времени феодальной раздробленности. Другое дело, что мы сейчас не испытываем внешнего направленного давления. И я надеюсь, что суть позитивных изменений в нашем обществе будет сохраняться, давая возможность осмысления каждым музейным историком того исторического полотна, которое он будет представлять посетителям.

Стационарные экспозиции посвящаются завершнным периодам исторического развития, и в этом смысле нет сложностей в рассмотрении крушения Российской империи и начавшегося за ним периода истории СССР. Тогда как период, в котором мы сейчас живем, мы отражаем только в выставочных формах. Из этих фрагментов потом собирается будущая картина, которая, конечно, будет ранжироваться, переосмысливаться, но уже имеет первоначальные элементы.

Александр Иванович, как обстоят дела с проектом «Музейный квартал»?

Он включает здание Московской городской думы, известное как Музей В.И. Ленина, и примыкающие к нему пять строений. В подвале бывшего музея сейчас ведутся строительные работы, укрепляющие фундамент. На всей этой площадке (она невелика, около одного га всего) хотим создать единый этаж и тем самым увеличить и площадь, потому что под остальными зданиями нет никаких подземных пространств.

Это будет техническая площадка?

Инженерная, техническая, хозяйственная... Музей – это не только экспозиция, но и складские, инженерные, коммуникационные пространства, которые обеспечивают «публичную» часть. Ведь в главном здании, созданном академиком Шервудом, помещений для хранения коллекций не было. По старой концепции все экспонаты должны были выставляться в анфиладе залов.

Мы вынуждены освобождать хранилища в Крутицком патриаршем подворье (это наш филиал), а там более полумиллиона экспонатов находится. Сроки? Жизнь опережает любые сроки – у нас ведь неплановое хозяйство.

Один срок никто не может нарушить: 27 мая 2008 года у музея юбилей. Что будет в музее в этот день, вы уже знаете?

Не знаю и по жизненному опыту не зная – только планирую. Надеюсь открыть две, а может, сразу три выставки. Одна должна быть посвящена истории открытия музея, вторая – месту Исторического музея в осмыслении истории России, особенно культурной ее истории. И как один из аспектов этой широкой миссии музея может быть небольшая, но интересная выставка «Музей и художники» – те, которые сотрудничали с ним, и те, которые использовали музей для создания его исторической живописи. Нашу экспозицию украшают замечательные картины Васнецова, Айвазовского, Семидарского. Суриков много работал в фондах – предметом его интереса были исторические костюмы, Репин писал своих «Запорожцев» непосредственно в стенах нашего музея. И первое представление картины тоже здесь состоялось.

Юбилейная неделя получается: 27 мая – высочайшее посещение, а 2 июня было освящение залов митрополитом Московским и Коломенским Иоанникийем. В рамках этой недели мы и будем открывать юбилейные выставки.

Беседу вела
Елена ЛИТОВЧЕНКО
Фото автора